

Валиева Н.А.

ВЕХИ ПОИСКОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ АРХИТЕКТУРЫ XX ВЕКА

Экология души и среды

Информация и эмоции. *Эмоциональное восприятие синтеза природы и техники.*

Архитектура, вызывающая настоящий трепет при ее восприятии, всегда пластически выразительна, даже живописна. При этом она несет информативную точность. Путь к единой, целесообразной, высоко-эмоциональной пространственной среде всегда проходит через Сциллу и Харибду противоположных начал, в процессе синтеза вступающих в диалектический конфликт. Архитекторы с большой буквы стараются преодолеть этот конфликт во имя эстетически объединяющей гармонии, а также увеличения информационно-эмоционального потенциала пространства вокруг человека.

Поглощаемая сознанием человека информация из окружающей среды влияет на его поведение и актуализирует то или иное его психическое состояние. Информация и эмоции в сознании субъекта соединены нераздельно. Человек, теряющий память, не только не может воспроизвести формы обобщенных представлений, но и лишается запаса эмоционально окрашенной информации, приобретенной многократно повторенным опытом восприятия окружающей среды и связанных с этим процессом эстетических переживаний.

Развитие материальных и духовных богатств общества подразумевает и усложнение структуры эмоций личности, которой все труднее мириться с механически расположенными скучными объемами интернационального стиля на живописных территориях. Безликая архитектура засоряет такое богатство, как Гармония пейзажа, а следовательно, уничтожает Гармонию чувств.

Структура эмоционального восприятия окружающего пространства восстает против результатов порочения сверхубойной индустриализацией лесов, полей, рек, озер в виде остовов деревьев, терриконов, засоленных пустынь, радиационных зон. Считается, что технологический мир всегда находится в антагонистических отношениях с природой. Архитекторы предлагают свое решение данного противоречия.

Гуманизация производственной среды. *Озеленение очеловечивает окружение.*

Всепроникающее радио определяет все стереотипы, воссоздает почти средневековую кастовую принадлежность замкнутому сообществу, заорганизованность систем, проистекающую из их тотальной иерархической усложненности. Волны океана абсолюта системы накатываются на человека, оставшегося таким же психотипом, каким он был и десять тысяч лет назад. Происходит передозировка информацией и, как следствие, спад активности «человекомашин», ведь она действует от совершенно других источников питания. Ее человеческую сущность поддерживают полноценные, искренние эмоциональные переживания. Формальное поглощение продукции телекоммуникаций может лишь на незначительное время пробудить некоторые эмоции – очень далекие от очистительного катарсиса, столь необходимого в сложной череде повседневных событий. Ритмическая монотонность не перекрывается взрывами криков во время спортивных передач и других щекоучущих нервы шоу.

Одним из действенных условий, очищающих духовный фон жизни человека, была вечно меняющаяся, неуловимая красота живого зеленого листа. Простота, рифмующаяся с красотой, возможно, всегда создавалась, чтобы человек не забывал о своем виде среди множества биотопов живой природы Земли. Созерцание вечной видимой простоты процессов воспроизводства зеленой растительности рядом со всей полной хлопот-забот и семьи, и службы приобретает некий философский смысл.

Природа с древности граничила с поэзией. Недаром привнесение «сада» в композицию дворцов от Ближнего до Дальнего Востока создавало неувядающие по своей актуальности сочинения изящной словесности, язык которых, развиваясь, был постоянно переплетен с языком архитектуры «райского сада».

Только очень состоятельные люди могли себе позволить иметь рядом со своей суетливой повседневностью это очаровательное чудо – гордость восточной литературы, музу ее сюжетов, классически стройное рождение образа сначала в голове зодчего, а затем и во двориках, окнах, беседках. Таковы смелые по конструктивному решению и великолепному благоустройству, расположенные на столбах и кирпичных стенах со сводами, имеющие специальную водопроводную систему «висячие сады Семирамиды» времен ассирийского царя Сенахериба (705–681 гг. до н. э.).

Древние в свое время поняли, что необходимо привносить в жизнь неумирающую красоту живой природы, а современная нормативная иерархия ценностей как-то по касательной скользит в этом вопросе. Очень редкие откровения действительно художественно-биотехнического подхода радуют своей неожиданной композицией. Всегда вначале мысль об экологии души является первоотличком архитектурной идеи, затем она сквозь очень непростые препятствия разного порядка из-за измельчения целостного идеала «Прекрасного» в обществе получает свое реальное осуществление.

Показателен для иллюстрации приведенного положения опыт очень неординарного зодчего Рикардо Бофила. В 1973 г. архитектор обратил внимание на заброшенную цементную фабрику окраины Барселоны, решив там жить и работать. Но только через два года оттуда исчезли пыль и мусор, и тогда весь ансамбль избавился от прежнего своего безобразного облика. С мыслью превратить фабрику-монстр в произведение искусства, со взглядом маэстро такого непростого явления, как постмодерн, Бофил разместил бюро и квартиры в различных частях здания, озеленив при этом как крыши, так и стены цокольного этажа. По задуманному сценарию, зелень должна свешиваться сверху и одновременно взбираться снизу на стены. Прекрасное превращение руин промышленной архитектуры в рыцарский замок архитектора-

художника позволяет Рикардо Бофилу говорить о своем бюро: «Это единственное место, где я могу спокойно думать и работать» [1, с.78–81].

Современная свёрхурбанизация административно-промышленных центров Европы вынуждена искать эмоциональную подпитку в оазисах зеленого изящества. Созданием элементов благоустройства, единственно возможного в данном конкретном месте озеленения, зависящего от освещения, ориентации и даже имени собственного, гордится сверхмощный банковский комплекс во Франкфурте-на-Майне. «Двор микросхем» и «Сад микросхем», композиции которых были навеяны деталями из отходов радиозавода и образами барочной садовой архитектуры, призваны символизировать взаимодействие высокотехнологичных интегральных микросхем и совершенно иррациональной художественной системы постклассики Высокого Возрождения. «Двор криволинейных зеленых изгородей» задуман как контраст к остальному озеленению, в основе композиции которого лежат прямые линии. «Двор 16-ти кизилых деревьев» – минималистское прочтение квадратного участка земли, покрытого гравием, на котором посажено 16 высоких нетрадиционных деревьев. «Сад господина Малевича» посвящен известному русскому художнику, лидеру супрематизма с ярким формообразующим языком, который благодаря работе ландшафтных планировщиков просматривается в рисунке мощения и озеленения [1, с.134–141].

Запредельные площади (370 000 кв. м) другого конторского комплекса в центре Лондона, по сути, банковского биржевого города, где производятся сделки мирового значения, заполнены высококвалифицированными молодыми людьми, которые загружены всю рабочую неделю и часто работают по вечерам и выходным. Средства ландшафтной архитектуры в данной ситуации призваны гуманизировать среду, насыщенную напряженной сверхконцентрацией информационного поля и внимания у экрана компьютера. Зеленый амфитеатр в центре офисного комплекса является особо привлекательным условием для проведения ланча или вечернего времени в кафе, барах, ресторанах. Поле амфитеатра зимой используется как каток, а в теплое время года сотрудники и посетители с удовольствием участвуют в концертах и спортивных мероприятиях, здесь зажигательно выступают театральные и танцевальные коллективы. Вьющаяся зелень плотно покрывает решетки стен вокруг амфитеатра с различными уступами и выступами, производя впечатление зеленого колизея Флавиев, из Рима перемещенного в Лондон, центр сделок современных империй [1, с.120–123].

В ансамбле архитектора Герда Хейена и ландшафтного планировщика Клауса Шлейнфельда происходит переключка малого мельничного ручья и верхнего мельничного ручья, стекающих к основному руслу, а затем в водоем-отстойник, решенный в виде небольшого озера. Дуэт водных голосов способен создать особое романтическое настроение чистой мелодикой в совокупности с небесным сводом и полифонией архитектурных объемов в ландшафтном обрамлении. Окружающая среда воспринимается в гармонии с застройкой, что возможно лишь при бережном размещении зданий учебного и административного центров химического предприятия на рельефе, активно участвующем в создании стройного ансамбля. Оппозитированный старый мельничный ручей своей неприхотливой мелодией помогает постигать науки химической технологии. На наклонном участке старой мельницы возникла органичная застройка, не потребовавшая при производстве строительства ни серьезных земляных работ, ни подпорных стен. Русло ручья естественной формы оживляет структуру ансамбля. Центр украшен пышной зеленью с доминантой липой (образом женственности у друидов), которую оттеняют привлекательные кувшинки в пруду. Соответствие масштабу человека, архитектурное решение трехэтажных зданий с треугольными фронтонами под черепичной кровлей образуют учебно-производственную базу в деревенском стиле. Деревянные мостки над прудом, переходы лестниц со ступенями из естественного камня, пейзаж, подернутый дымкой, близлежащие холмы в яркий солнечный день в переливах голубого цвета... И только в сердце внутреннего двора выстукивает свою песню расположенный в центре фонтан [1, с.104–105].

Изложенные примеры убедительно демонстрируют неограниченные возможности подходов в решении задач зодчего, при котором возможно органичное переплетение эстетических и экологических задач в сложный узор ансамбля архитектуры.

Рис. 7. «Гуманизация производственной среды». Архитектурные составляющие коллажа: Рикардо Бофил, архитектурное бюро, г. Барселона, Испания; Ассоциация архитекторов Лондона, бюро-комплекс в деловой части Сити, г. Лондон, Великобритания; архитектор Герд Хейне в соавторстве с ландшафтным планировщиком Клаусом Шлейнфельдом, учебный центр, г. Майкаммер, Германия.

Зеленые аллеи здания. Оазис свежести для зрения и слуха.

Сложные пространственные образования как архитектурной пластики, так и функциональной насыщенности интерьера, приводят к ощущению присутствия в каменных бетонных джунглях с деловито подчеркнутой суетливостью передвигающихся служащих. Такой образ привычен в технологически организованном пространстве, лишенном теплоты, приветливости, и часто ассоциируется с административной холодностью, отчужденностью в отношениях чиновников, очень серьезно играющих в этой не слишком талантливой пьесе.

Увлечение урбанизированными представлениями о должном решении современного интерьера чревато стрессами, взрывами, конфликтами, неумением обходиться без помощи психиатра даже в отношениях с близкими людьми. Чем сложнее иерархия построения, тем очевиднее сбой в нервной системе. Искусственный климат, цветы, вода исходят от искусственности представлений о том, как должны осуществляться межфирменные контакты, деловое общение, изучение систем современных технологий и т.д.

В джунглях из бетона и стекла потребность в оазисе для эмоциональной переживаний человека назре-

вала исподволь. Оранжереи, зимние сады дворцовых усадеб оказались вовсе не роскошью, а настоящей необходимостью, так как человек всегда нуждается в уюте, отдохновении, отвлечении, сосредоточении на внутреннем ритме, человек всегда зависит от создаваемого зелеными друзьями климата.

Архитектурными приемами стали воссоздаваться пространства с максимумом врачующего солнца в интерьере, к которому обращены все растения: экзотические и не очень, цветущие и нет. Непринужденность общения с партнерами, коллегами снимает излишнюю напряженность, зажатость, что повышает творческий потенциал при выполнении как текущих, так и перспективных задач предприятия, учреждения, фирмы и т.д.

Включение внутренних двориков – патио, атриумов – в композицию архитектурных пространств, их разделение на открытые, полуоткрытые, полузакрытые и закрытые обогащают эмоциональный фон восприятия интерьера, ориентируют на восточнофилософские системы зодчества: торжественно-изнеженные Альгамбру и Генералифе, официально-лирические Топ-Капу и Бахчисарай. Идея райского сада на земле, его позитивное влияние постоянно пронизывают повседневные переливы настроений, приближая к ощущению чуда жизни, ее вечной ценности, корректируют негативные перебои в биополе человека.

Это явно ощущается в нестандартном подходе к решению здания суда в Мюнстере, когда неожиданно раскрывается двухсветное пространство зимнего сада, который является и залом ожидания для участвующих в процессах. Дорожки, покрытые мелкими сучками, листвой, корой деревьев, посаженных в землю непосредственно здесь, в зале, ведут к расположенным вокруг зимнего сада семи залам судебных коллегий с дневным освещением и прекрасным видом. В аллеях здания суда люди находят пронизанную светом доброжелательную и близкую к природе атмосферу, эстетически полноценные переживания от гармоничных соотношений архитектуры зеленого интерьера [1, с.38–39].

Создателю этого оазиса удалось убедить чопорных чиновников в необходимости озеленения, очеловечивания окружающей людей среды для снятия напряжения приемом контраста, противопоставляя скованности человека в данной ситуации раскрепощающие функции зеленого пространства.

Как клин, входит оранжерея в подковообразное здание Дома ученых города Ульмы. Центральная часть здания – остекленное озелененное пространство с располагающейся здесь аудиторией на 50 мест для проведения лекций и семинаров. Залитая солнцем оранжерея, искусно срежиссированная архитектором с помощью света, зеленой растительности, настраивающей на здоровый бодрый ритм для поддержания людей умственного труда в хорошей творческой форме, помогает сугубо профессиональному общению ученых на высоком интеллектуальном уровне [1, с.46–47].

Планировочная композиция административного здания в северном городе Фульдо выстраивается размещением павильонов рабочих помещений в свободном пространстве двухсветного зимнего сада, обогреваемого только за счет солнечного света по принципу теплиц. С любовью проведенные работы по оздоровлению интерьеров играют существенную роль в улучшении воздуха и климата, как физического, так и морального. Использование озелененной площадки определяется композицией всегда присутствующего пышно проросшего зимнего сада, способствующего работе, отдыху, релаксации во время перерывов.

В торговой сфере, где снуют многочисленные покупатели с тележками, для их передвижения нужны свободные площади, поэтому невозможно озеленение на уровне земли. Архитекторы универсама в Тюбингене, чтобы не отказываться от растительности, разместили ее в висячих корзинах. Используя средства ландшафтного моделирования, они подняли не только сад, но и настроение посетителей и обслуживающего персонала [1, с.43].

Еще пример работы немецких архитекторов из Кельна, убедительно демонстрирующий возможности экологического подхода к созданию урбанизированной среды. Руководство страхового концерна, решив построить комплекс административных зданий для 2 000 сотрудников, выбрало вместо одного огромного здания структуру застройки в четыре этажа. Неизбежное вмешательство в природную среду заказчики вместе с архитекторами попытались компенсировать сохранением естественного ландшафта. Так парковые зоны отдыха стали любимым местом отдыха не только сотрудников фирмы.

Центральная часть ансамбля выделена остекленным вестибюлем, как остров, окруженный водой, а дорога к главному входу подобна подъемному мосту замка. Внутренний двор длиной 180 метров, являющийся композиционной доминантой ансамбля зданий, решен также в виде парка с множеством видов растительности и разнообразных водоемов. Световые дворики перекрыты стеклянными куполами и распланированы как пышный разросшийся зеленый оазис. В целом, городок страхового концерна производит впечатление ансамбля, пропорционального масштабу человека и в интерьере, и в экстерьере. Здесь гармонично соотносятся как объемы, так и озелененные пространства. Благодаря этому у концерна создается благожелательный имидж компании, заботящейся о своих клиентах [1, с.61–63].

Приведенные фрагменты гуманизации среды с заботой об экологии в Германии достаточно убедительно раскрывают практику ландшафтно мыслящих архитекторов.

Рис. 8. «Зеленые аллеи здания». В коллаже использованы следующие работы: здание суда архитектора Гарольда Дельмана и ландшафтного архитектора Георга Пеннера, г. Мюнстер, Германия; конторский комплекс архитектора Фреда Мюллеринга и ландшафтного планировщика Юргена Франца, г. Фульдо, Германия; здание научного бюро Фреда Мюллеринга и Юргена Франца, г. Ульм, Германия.

«Здесь птицы не поют, деревья не растут...». «*Зияющие высоты*» промышленной революции XX века.

Выжженная душа земли после боев за производственные высоты химической, строительной, атомной и прочих индустрий переживает шок от атак научно-технической революции XX века.

Погубленные, с точки зрения жизни в природе, в результате покорения промышленными предприятиями территории зияющими ранами взывают о спасении. Крики о помощи долгое время не имели никакого воздействия, и очень нескоро стали применяться методы рекультивации запущенных и заброшенных пространств рудников, шахт, цементных, кирпичных заводов, отправленных на пенсию без взимания компенсации за их деятельность, за нанесенный ущерб. Терриконы, эрозии почвы, радиационный фон, показатели загрязненности воды, воздуха приводят в ужас своими статистическими цифрами, геометрической прогрессией обезображенности некогда живых участков земли.

Градостроительные подразделения на селитебную и промышленную зоны из теоретических доктрин превратились в «головную боль» почти каждого города с развитым сектором производства. Взаимодействие с природой с позиций силы технического прогресса заставляет умиляться слезами и ту, и другую сторону, так как во всякой битве есть сиюминутный и временный результаты.

Очень медленное осознание экологического фактора начинает прочитываться в проектировании принципиально нового подхода к партнеру-земле в концепциях «промышленных парков», в применении наукоемких безотходных технологий, в использовании архитектурно-планировочных решений органичного единения природы и техники.

Первоначальный проект обычного трехэтажного здания Министерства связи Австрии длиной 80 м при ширине 24 м был переработан в удивительный пространственно-строительный феномен, совершенно погруженный в землю и освещаемый через два световых дворика цилиндрической формы диаметром 30 м. В построенном здании рабочие и технические помещения, расположенные под землей, освещаются через кольца двориков и с южной стороны холма. Архитекторам удалось как можно осторожнее вписать сооружения наземной передающей станции в охраняемый ландшафт, где технические подразделения едва заметны под травяным покровом. Со временем предполагается строительство третьего диска светового дворика в системе естественного освещения ансамбля [1, с.128–133].

Зеленые лужайки территории комплекса активно используются под пастбища. Идиллический ландшафт эпохи XVII в. с включением огромной антенны-тарелки и некоторых других примет XXI в. походит на архитектурные фантазии Н. Леду.

Овеществленными грезами воспринимается также машиностроительное производство в сосновом лесу – новый филиал машиностроительного гиганта, рассчитанный на 800 сотрудников, в городе Альденау. Из окон верхних помещений административного и инженерного корпусов открываются с трех сторон замечательные виды на сосновый лес. За опорами нижних этажей размещаются производственные цеха, в интерьерах которых также используются привлекательные пейзажи. Полученная свободная площадь под полукруглыми объемами используется для необходимых по технологии противопожарных и охлаждающих прудов, решенных в виде зеркальных бассейнов, в которых отражаются многочисленные кривые поверхностей цилиндров, нависающих свайных построек [1, с.142–145].

Во всей атмосфере ощущается влияние соснового леса, наступающего на производство уютными площадками отдыха со скамьями в тени деревьев, отраженными в зеркале озера. Городец машиностроителей органично вписан в окружающую среду, не нарушая равновесия природного биотопа.

Проблему современной автомобильной темы – стоянки, гаражи – возможно решить неординарно, накрыв источник загрязнения воздуха образцовым ландшафтным произведением. Встраивание здания в холм с идущими поверху и понизу дорогами маскирует 148 машинных стоянок. Инженерно скучное назначение в данном случае отступает перед богато смоделированным многоплановым парком. Над вентиляционными отверстиями крыши гаража расположены сводчатые решетки лиановых растений. Решетками для вьющихся растений забраны окна двухэтажного гаража, стены которого облицованы кирпичом теплого цвета, а все детали отделки выкрашены белым.

Двухуровневые полуцилиндры, выступающие из плоских стен между сводчатыми перголами, привлекают внимание посетителей парка, так как с них открываются изумительные по красоте панорамы всего города, к которому направлена верхняя дорога, ставшая для пешеходов променадной. Обилие видов растений по цвету, фактуре в сочетании с глыбами естественного камня, а также отмошкой из гальки создают ритмические группы, нюансные сочетания поистине неисчерпаемой палитры ландшафтного дизайна, которому по плечу превратить тыкву в карету и наоборот, в зависимости от обозначенной задачи [1, с.72–75].

Засоление земель в местах их орошения при проведении сверхмощных каналов, мертвые зоны отчуждения атомных объектов, космодромов, которые влекут изменения и климата, и порога заболеваемости, приводят к сопротивлению земли. Люди пытаются бороться. Особенно актуальны поиски исправления создавшегося состояния экологическими движениями, программами, которые берут какую-то часть разрешения проблем на себя.

Учение о биосфере земли академика Вернадского привлекает все большее количество адептов. Архитектор же приводит убедительные примеры проектирования и реализации индустриальных парков. Появляется разновидность английского романтического паркового искусства – промышленный парк.

При воплощении такого парка в Латоне (Англия) удалось сохранить все имеющиеся на участке деревья, к тому же было посажено еще 150 тыс. деревьев и 52 тыс. кустов. Главная планировочная ось и все другие улицы и автостоянки промышленного парка обрамлены деревьями. Вокруг размещенных в парке фирм была создана буферная зона – насыпные озелененные защитные валы. Вся структура градостроительного образования пронизана заботой о здоровье работающих здесь людей и природной среды [1,

с.174–175].

Другой бизнес-парк площадью 60 га с главными композиционными элементами – тремя большими прудами, которые соединены облагороженными нитями дорог и вызывают в памяти романтический английский ландшафтный шедевр XVIII в. – находится между Портсмутом и Саутгемптоном Эти умиротворенные пейзажные виды, по замыслу планировщиков, составляют половину общей площади промышленного парка. Качественное оформление и развитие существующего опорного набора растительности и каналов являются привлекательным примером и коммерческой ценностью расположенных здесь фирм [1,с.173].

При повсеместном увлечении мистикой, фантастикой, устремленностью в другие параллельные миры, реальная земля оставлена без внимания, хотя она ежесекундно с человеком со дня рождения. При сложных деформациях общественного сознания на микро- и макроуровнях такое потребительское отношение показательно как очень болезненный шрам хозяйничания в эпоху научно-технической революции.

Метаморфозы, описанные когда-то Овидием, имеют мифологическую природу. Оживление же мертвых территорий вечно обновляющейся солнечной зеленой архитектурой всегда реально до такой степени, что заставляет вспомнить детские сказки.

Удивительная сила дана зодчему, способному воплотить фантазии в стройную пропорциональную систему образов и представлений, находящую почти всегда положительный отклик, если речь идет о ландшафтной архитектуре. Однако радостным заключительным аккордам оживления мертвых ландшафтов земли очень рано звучать.

Рис. 9. «Здесь птицы не поют, деревья не растут...». Архитектурные составляющие коллажа: архитектор Бениш с партнерами, филиал машиностроительной фирмы, г. Альденау, Германия; архитектор Густав Пейхел, наземная станция Министерства связи, г. Афлепц, Австрия.

Источники и литература

1. Груб Г. Зелень между домами. – Мюнхен: Ипобанк, 1990. – 200 с.
2. Райт Ф.Л. Будущее архитектуры: Пер. Гольдштейна. – М.: Стройиздат, 1960. – 246 с.
3. Григорян А. Ландшафт современного города. – М.: Стройиздат, 1986. – 134 с.
4. Добрынин Б. Ландшафты горного Крыма // Крым. – 1927. – № 5. – С. 25–41.
5. Пузанов И.И. Крым. Путеводитель. – М., 1928. – 128 с.
6. Страутманис И.А. Информативно-эмоциональный потенциал архитектуры. – М.: Стройиздат, 1978. – 120 с.
7. Философия древнего и средневекового Китая // История философии в кратком изложении. – М.: Мысль, 1991. – С. 42–65.

УДК 7.017.03:036 (кrm)